

Этические и эстетические аспекты восприятия ужаса

Варава Маргарита Владимировна

Студент (бакалавр)

Институт философии РАН, Москва, Россия

E-mail: marnie93@gmail.com

«Ужас» имеет амбивалентный этико-эстетический характер, причем оба начала по факту тесно взаимосвязаны между собой ввиду специфики самого феномена ужаса. Искусство не может избежать соблазна не преследовать этические цели в изображении ужаса. Так же этическая аналитика ужаса так или иначе пользуется средствами литературы, то есть прибегает к метафоре, противоречию, парадоксу. Однако если мы будем проводить строгий анализ проявления ужаса в обеих областях, то очевидно, что этика и эстетика ужаса сходны в «употреблении», но совершенно различны по своим целям и смыслу.

Рассмотрим этический и эстетический подход к ужасу, опорные моменты в специфике толкования этого феномена в обеих областях и их главные противоречия. Существует устоявшаяся традиция восприятия ужаса как эстетической или антиэстетической категории, в основании которого отвратительное, омерзительное, неприглядное, пугающее. Эстетика ужаса визуализирует эмоциональный аспект, где ужас является максимальной степенью страха и проявляется как психологическая реакция на определенные эмпирические угрожающие причины.

Это может быть и филигранный мистицизм, передающий оцепенение героя перед абсолютным ничто, потерю какой-либо почвы под ногами, бесконечное падения вниз, головокружение, или же натуралистическое изображение физиологически отвратительных картин.

Для этики тема ужаса является достаточно новой. Если для трагической эстетической культуры потеря индивидуальности воспринимается как предельное зло, то для этической интерпретации ужаса обезличивание в ужасе является избавлением от неподлинной социальной личности. Таким образом, этическое и эстетическое вступает здесь в противоречие: что является благом для этики, для эстетики - злом.

Правомерность перемещения феномена ужаса в этическую плоскость, его размещение в этической диспозиции сущее-должное хорошо иллюстрирует работа Н. А. Бердяева «О назначении человека» [1]. В ней подчеркивается возвышенная природа ужаса, его причастность к сфере должного, и низменная природа страха, относящегося к сфере сущего. Именно этот страх и визуализирует эстетика ужаса. Этику же интересует воздействие ужаса на преобразование человека, на его внутренний мир. Соответственно, рассматривать ужас этика будет по-своему, способом, в корне отличным от его эстетической интерпретации.

Прежде чем поместить ужас в пространство этического, необходимо рассмотреть и принять ужас как самостоятельный феномен, его независимость от внешней «ужасности» формы. Но, парадоксальным образом, все попытки научнообразной концептуализации этого феномена сталкиваются с его абсолютной несхватываемостью, не-эссенциальностью. Как можно именовать то, что подрывает, а точнее игнорирует любые имена? Ужас находится как бы на острие ножа, в одном шаге от соскальзывания в Ничто. Сама сущность ужаса состоит как раз в том, чтобы выявить абсурд и бессосновность любой концептуализации данного понятия.

В этом состоит некое родство между переживанием ужаса и одним из главных свойств философии - не давать готовое мировоззрение, а ставить все под сомнение. В частности

такова по своим характеристикам экзистенциальная философия, которая берет за предпосылку тезис об абсурдности существующего мира и его фактической безосновности.

Реальность ужаса, его субстанциальность и, следовательно, позитивную роль можно усматривать в его указании на подлинность и неподлинность сущего. Как говорит Д. Орлов: «Именно настоящая реальность этого ужаса . . . впервые конституирует некое сущее . . . а не наоборот», [2, 96 с.]. Это самая радикальная субстанциалистская позиция в отношении ужаса, отрицающая его вспомогательную роль и утверждающая ужас как чистое философское переживание. Этически пережитый ужас является толчком для того чтобы честно и открыто посмотреть в глаза реальности, увидеть ее в подлинности, обрести ее смысл: «В точке наивысшей неопределенности, негарантированности и неподтвержденности человеческого существования впервые обретается известная ясность, просветляется мировая ночь», - замечает Д. Орлов [2, 98 с.].

Таким образом, разрешить этико-эстетический конфликт помогает экзистенциальная философия с ее обоснованием онтологического статуса ужаса и его важной роли для прорыва к подлинному существованию. В моменте установления этой цели происходит встреча этика и экзистенциальной философии. Это делает возможным разомкнуть ограничения экзистенциальной философии и выйти в этическое измерение. Тем самым, этическая аналитика ужаса выводит человека на более глубокий, бытийственный уровень.

Источники и литература

- 1) Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики / Н.А. Бердяев; Сост. и вступ. ст. В.Н. Калюжного. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. – 701, [3] с. – (Philosophy)
- 2) Горичева Т., Иванов Н., Орлов Д., Секацкий Д. Ужас реального – Спб.: Алетейя, 2003 – 288 с. – (серия «Петербургский текст»)